

263

ИСКОВЕННЫЕ ПОКАЗАНИЯ СТАНИСЛАВА МАЧЕВСКОГО

Концентрационный лагерь.

9/1-41 г. после 9 месяцев пребывания под следствием я был направлен в концентрационный лагерь Саксенгаузен возле Ораниенбурга /80 километров от Берлина/.

Это произошло таким образом. Из Штуттинга меня вызвали в Берлин, допросили в полиции и арестовали. Здесь, как и в других тюрьмах Германии тюремные помещения были переполнены. В тюрьме куда меня поместили при норме 100 - 120 человек, в помещении было набито 400 человек. От тесноты едва можно было двигаться. Книжки кишели насекомыми. Я мог установить, что среди заключенных не менее 70% иностранцев: чехов, словаков, итальянцев, бельгийцев, французов. Больше всего было поляков, которые большей частью обвинялись в проведении забастовки на предприятиях. Заключенные ждали решения суда или отправки в какой-либо концентрационный лагерь. 9/1 - 43 г. утром меня вызвали, посадили в "зеленую машину" /тюремная карета/ с 17 заключенными. Примерно после часа езды мы прибыли в концентрационный лагерь. Нас разделили на 5 групп и унтер-офицер СС'овцев повел нас в помещение концентрационного лагеря. В лагере мы должны были остановиться у ворот, снять головные уборы и не двигаться. И это при 30-градусном морозе. Я имел лишь детскую одежду, так как был арестован в мае. Мимо нас проходили СС'овцы, останавливались и спрашивали почему мы попали в лагерь. При этом один получал удар кулаком, другой пинок ногой. Так продолжалось с 10 часов утра до 14 часов. После этого мы были наполовину обморожены. Затем нас повели регистрировать. Ввели нас 4 унтер-офицера СС'овцев. Мы были опрошены и избиты. Один из моих подручников был избит так сильно, что у него было окровавлено все лицо и выбито 4 зуба. Еврей, который уже имел за своей спиной 4 года тюрьмы, явился в лагерь с побитым глазом и распухшим носом. Я сам также получил удар в лицо. На каждого был прислан материал и горе тому, кто при опросе не скажет правду. После перекрестного опроса и личного опроса, которые проходили один за другим и был раздет, промерен, взвешен, коротко острижен, помыт в колодезной воде, потом на меня натянули одежду концлагеря, которая была узка и коротка. Я получил ботинки, которые не мог одеть и все же я должен был в них ходить. Штаны и рубашка были малы. При просьбе смонить я получил грубый пинок ногой. Когда всех одели, мы должны были явиться на площадку лагеря. Здесь нас гоним, заставляли приседать. В начале нас держали изолированными. Это был лагерь в лагере. В этом лагере находились два барака, которые делились так: в одном находились подростки от 14 до 16 лет, второй был выделен для сектантов, отказывавшихся участвовать в войне. Два барака были для штрафной роты, два барака для "новичков", два барака для политических, один для саботажников. Как новички мы были изолированы до 20-го июля. В 5 часов вечера к нам пришел СС'овец заставил сесть на корточки с вытянутыми руками и продержал в таком положении 3 часа. В 20.00 часов нас провели в помещение, показывали место для сна и сообщили об основных правилах в лагере. И с первого же утра к тому же весь день я ничего не ел. Утром в 5.15 под "он" - по первому сигналу мы оделись убрали постель. На завтрак дали только горячее кофе. В первый день мы не получили ни кусочка хлеба. В 5.45 - выход на переключку. После этого рабоче команду

отправляются на работу. Кто оставался, находился в строю. Они должны были стоять на вытяжку с небольшими перерывами 9 часов, либо в уборной, либо в умывальной, либо на открытом воздухе на морозе, в зависимости от приказа 66го «овчав. Эврей, о котором я писал выше, через 2 дня, умев. Его держали 2 часа головой в снегу; последствие - воспаление мозга и смерть. Другой замерз: его обмотали мокрой простыней и облили водой, таким образом провел 2 часа на 20-градусном морозе. Последствие - смерть от обморожения.

В 12 часов проводится перекулка, затем подается обед. Он состоит из 3/4 супа и свеклы. Свекольный суп мы получали ежедневно, за исключением субботы или воскресенья когда выдавали кислую капусту. Это меню существовало до июля, когда уж вся свекла вышла и стали появляться другие овощи. В 12.30 снова команда на работу, которая продолжалась до 17 часов. В 17 часов перекулка и ужин. В ужин выдавали на день 275 грамм хлеба, 30 грамм масла или маргарина, 50 грамм колбасы. Один - два раза в неделю на ужин давали суп - разбавленную в воде муку.

В канцелярии я видел доску с обозначением количества заключенных. В лагере было 15.660 заключенных, из них 680 евреев, 4.800 поляков, 2.000 чехов, 1.800 нарушивших трудовое законодательство, 1.600 совершивших преступление по должности, 4.800 немцев политических заключенных, 680 других. Я получил номер 35004 и с этого времени был не человек, а номер. Весь лагерь был помечен. Политические заключенные были отмечены красным треугольником на левой стороне груди. Нарушившие трудовое законодательство были обозначены черным треугольником, совершившие преступление по должности - зеленым, сектанты - желтым; еврей имени на груди нестиконечную звезду. Чехи имели номер над треугольником на левой стороне груди, поляки на правой стороне, французы имели букву "F".

После изоляции я был помещен в общий лагерь. Там можно было курить и кое что купить, конечно если были деньги. В лагере можно было покупать что либо на 15 марок в неделю, но большей частью в лавке ничего не было. Я был определен в барак № 40. Здесь были все поляки; старшина - немецкий коммунист, великий Войчеховский. Мне было тяжело; поляки были по преимуществу интеллигенты и с ними приходилось спорить по отдельным политическим вопросам. В одном мы были едины: Германия должна проиграть войну с Советским Союзом. При этих разговорах я узнал трубочиста Косика, польского коммуниста он познакомил меня с немецким коммунистом Рихардом Пренке из Либена. Он занимался со мной очень часто и познакомил с другими товарищами, которых я знал лишь по имени. От Пренке я получил задание разговаривать сочувствующих польских товарищей. Я взялся за работу и нашел двух товарищей Фредрика Нежовского из Старогарда, ранее члена *Т.С.* позднее члена *КП* в Польше: Он получил 4 года концентрационного лагеря в Береза Картуска, был освобожден накануне войны. Другой, Руманский из Сосновца, член *КП* Польши, работавший в районе Сосновца. Мы имели задачу раз'яснить полякам ^{польс} Советского Союза в этой войне /пакт с Германией/. Это было до войны Германии с Советским Союзом. Темы для бесед материал, а также инструктаж давал Пренке. Я был всегда как *те* с ним.

Через 2 - 3 недели после начала войны с Советским Союзом, в канцлагерь прибыли первые 458 русских военнопленных. Для того, чтобы мы не были свидетелями с русскими военнопленными, нас загнали в бараки и запретили выходить. Все же мы заметили, что в транспорте военнопленных было уже 15 жертв. Обращение с военнопленными было несовместимо с человеческим достоинством и международным правом. Днем позже около 17 часов, нам снова был учинен домашний арест.

264

Подъехал грузовик, забрал около 20 военнопленных и повез их на заводской двор, находившийся рядом с концлагерем и отделенный от него каменным забором. Товарищи были очевидцами расстрела военнопленных. В 4-х печках сжигали трупы, сбивая их предварительно горячим. Это систематическое убийство военнопленных проходило ежедневно и такую же до тех пор, пока хватало военнопленных. Один из эсэсовцев унтерофицеров цичичко заявлял, что военнопленных ведут на расстрел в одной рубашке. Одежду русских военнопленных выдавали немцам, около 4.000 русских военнопленных были расстреляны извергами СС'овцами.

В концлагере имелось много рабочих команд, которые трудно перемещать. Работа должна была проводиться бегом. Например, поднося камень на постройку, надо было бежать и также бегом возвращаться. Иначе наказывали палочными ударами за лень. Заключенных использовали как вьючных животных; они должны были таскать вагонетки.

Были организованы лагерные мастерские, где использовались заключенные разных профессий. К лагерю примыкал фабричный двор, где были расположены обувная фабрика, столярные и слесарные мастерские, крематорий для сжигания трупов умерших заключенных и даже питомник для кроликов.

Вне лагеря работали команды: канализационная - 300 человек, на клинкерном заводе - 2.000 человек, по строительству нового концлагеря и др.

Особенно тяжелой была работа в команде Шпора, в которой состояло 600 человек. Команда работала по корченке и планировке леса.

Наказывали за каждую мелочь: за плохое поведение во время марша, за плохой порядок во время движения в строй, за плохое приветствие унтерофицера и т.д. Самым легким наказанием было стоять весь день у ворот лагеря без головного убора и без еды. Иногда перед воротами стояли цепи команды. Самым тяжелым наказанием было избивание резиновыми дубинками. Обычно наказывали 25 ударами. Наказываемый должен был считать; если он сбивался со счета, начинали бить снова. Большинство избиваемых теряло сознание, но их приводили в себя окатывая ведром холодной воды и довели наказание до конца. Еще ужаснее было наказание дыбой. Заключенному связывали руки сзади и прижимали их к столбу так, чтобы ноги не касались земли. Таким образом, заключенный находился подвешенным до 3-х часов. Пользовались известностью штабная рота ОК, или как ее называли, фабрика трупов. В этой роте окрадали и без того недостаточное питание. Когда работающий падал от изнеможения, его обливали холодной водой и заставляли работать дальше. Так продолжалось до тех пор, пока заключенный не оставался лежать бездыханным трупом. Иных держали головой в снегу по 2 - 3 часа, сильный мороз обливали водой и оставляли на открытом воздухе. Летом заключенных раздевали и непрерывно окатывали холодной водой из шланга до тех пор, пока пытка не кончалась смертью.

Смертная казнь была двух родов: гуманный форма - расстрел, ужасная форма казни - повешение. При повешении на шею заключенного накидывалась петля, которая медленно затягивалась и постепенно подтягивала тело с помощью вращающегося колеса. Это была медленное умирание, ужасная смерть. По словам старых заключенных в 1938-39г.г. и 1940 г.г. ежедневно умирало от 400 до 600 человек. Во время моего пребывания в лагере ежедневно умирало не менее 10 человек. В 1940 г.

при лагере была организована больница, в которой практиковались на заключенных молодые неопытные врачи. Они ампутировали руки и ноги, проводили разные операции и лишь по счастливой случайности больные выздоравливали.

С моим пребыванием в лагере. В начале я был в команде Шегера. Там и провел несколько дней и поранил себе ногу; несмотря на это и должен был находиться в строю. В этот период на меня обратил внимание Ковок из Варшавы и познакомил меня с Рихардом Прешке. Я работал по канализации и на других работах. С марта до июля работал на корчевных. В начале июля находился в команде, работавшей на заводе Кайзер. После этого меня определили в команду по строительству жел. дор. ветки.

В середине июля в лагерь прибыл транспорт с двумястами французов. Они были преимущественно горняками из Северной Франции. Среди них было 40 поляков. Среди поляков я узнал отдельных членов партии. Они проводили в апреле 19.. г. стачку в северной Франции /Дене, Дувр и пр./, под руководством нелегальной организации компартии Франции. Эта стачка была подавлена об"единенными усилиями оккупационных немецких войск и Французской полиции. Были произведены аресты и арестованные отправлялись в лагерь "Ц". Я получил приказание от нашей парторганизации ознакомиться с польскими товарищами и быть в курсе всех событий. Больше всего я соприкасался с французами. Один из них доверился старшему по бараку до того, как я смог его предупредить о том, что это не был. Старший по бараку рассказывал о том, что ему доверяли заключенные старшему по лагерю. Старший по лагерю называл себя Гарри и, насколько мне известно, был ранее делегатом в Райхстаг от компартии Германии. Его имени, настоящего, я не знаю, так как тогда меня имена не интересовали и я их не запоминал.

Старший по лагерю приказал позвать меня, поговорил со мной о моем прошлом, о моей жизни во Франции, о том, знаю ли я французов, и почему я нахожусь в концлагере. Я еще ничего не подозревал, но Рихард Прешке и Фриц получили уже обо всем сведения и смогли предупредить товарищей. Сам я сопоставил все мелкие факты и, поручив остальным польским товарищам работу, просил их учесть эти обстоятельства. Со следующим транспортом, который уходил из лагеря в Гросс-Розен и должен был быть отправлен, так как моя фамилия уже была занесена в список.

Мой старший по бараку товарищ Войчеховский был удивлен, увидев мое имя в списке отправляемых, так как обычно фамилия людей и сами люди, предназначенные для транспортировки из лагеря отбирались отрядами по баракам. Войчеховский сделал все, чтобы моя фамилия была снята с листа, но старший по лагерю сказал, что список был уже утвержден в комендатуре и, что теперь из"ять кого либо из списка невозможно. Таким образом, я был вынужден подчиниться своей судьбе. Попытки других товарищей помочь мне остались без результатов. 9-го сентября транспорт должен был уйти, а 8-го вечером я заболел. У меня началось воспаление в верхней трети бедра. Я показал ногу старшему по бараку, который очень обрадовался этому факту и побежал доложить старшему санитару. 9-го утром меня госпитализировали и сделали операцию.

Когда я проснулся от наркоза меня поразил жуткий зловонный запах. Оглядевшись, я установил, что запах идет от кровати пациента, лежащего со мной. Это был бывший судья в Германии, еврей Фурдон, у которого была оперирована в 4 местах нога. Лечение было страшно за-

265

кучено, нога представляла собой опухший гнойник. Это бывший мой друг. Уже давно он потерял сознание, когда в собственных испражнениях согревался зловонием вои палату. Каждый вечер его грубо вытаскивали из постели, волокли в ванну, обивали холодной водой, несмотря на его раны и очень высокую температуру. 4 дни спустя, он во время такого купания умер.

В начале октября 1941 г. меня известил Гилард Пренке, чтобы посетил со мной, так как он уезжал в Либек на суд в качестве свидетеля. Суд производился над товарищем бежавшим из Германии от депрессии в Голландию, и после выслушания немецкими оккупантами был арестован.

В лагере я познакомился еще с немалым рядом товарищей поляков. У многих из них не хватало рук, ног, которые они потеряли зачастую в результате увечий в лагере.

9-го октября в 7 часов вечера я получил известие, что в этот день меня освободят из лагеря. Так как рана после операции еще не совсем зажила, меня оставили в лагере еще на 4 дня. 14-го октября я был вынужден из лагеря, но прежде получил наставление у коменданта лагеря, заключавшееся в том, что я должен был твердо помнить, что я ничего не видел и не помню из того, что происходило в лагере. Этого предупреждения было достаточно, чтобы помнить скрытую за ней угрозу.

Обращение с заключенными в лагере приводило часто к тому, что некоторые, более слабые характером бросались на окружающую лагерь колючую проволоку, по которой проходил ток высокого напряжения и кончили, таким образом, жизнь самоубийством. Те из них, которые не умирали, обычно застреливались постовыми. На моих глазах произошло 4 таких случая.

Правдивость этих показаний я гарантирую своей жизнью.

В Советском Союзе,
23/II-1943 г.

СТАНИСЛАВ МАЧЕВСКИ

11 марта 1943 г.

Отп. 3 экз.
МБ